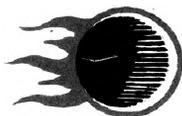




Седьмидесяти
В. М. Давидов
Г. Гирсиди
Иванов
Оле Шенк
Чингисхан

ИЗ ЗАПАДНОАРМЯНСКОЙ
ПОЭЗИИ

**Издательство «Советакан грох»
Ереван — 1979**



П Е Т Р О С Д У Р Я Н
М И С А К М Е Ц А Р Е Н Ц
Д А Н И Э Л В А Р У Ж А Н
С И А М А Н Т О
Р У Б Е Н С Е В А К
В А Г А Н Т Э К Е Я Н

Перевод
с армянского
АЛЛЫ
ТЕР-АКОПЯН

ИЗ ЗАПАД
НО
АКМЕИ
СКОЙ



ПОЭЗИИ

Стихи виднейших западноармянских поэтов конца XIX начала XX века. Раздумья о судьбе родины, любовь, история, картины окружающей жизни — вот темы, вдохновляющие поэтов и отразившиеся в их произведениях. Их стихи — тонкие образцы западноармянской классики.

Художественное оформление
Г. ХАНДЖЯНА

AP 1
И 32

С $\frac{70500 (479)}{705 (01) 77}$ 149. 79 «М»

© Издательство «Советакан грох», перевод на русский язык, оформление, 1979.





Lyra

Петрос Дурян

ПЕТРОС ДУРЯН

1852 · 1872

О З Е Р О

Озеро, к чему во сне
Цепенеть твоей волне?
В твоём зеркале на миг
Лик красавицы возник?

Иль сиянье синих вод
Соблазняет небосвод,
Светозарность облаков,
Схожих с пеной берегов?

Озеро, твоя тоска
Так тоске моей близка.
Я люблю молчать, как ты,
Замирать в плену мечты.

Сколько волн рябит в тебе,
Столько дум в моей судьбе.
Сколько пены там, на воле,
Столько в сердце ран и боли.

Только если небосвод
Звезды в твой подол стрясет,
Яркость поверху видна,
А душа — огонь до дна.

Облака в тебе не мокнут,
И цветы увясть не могут.
Ты звезду не умертвишь,
Пока гладь в тебе да тишь.

Озеро с челом царицы,
В бурю что с тобой творится!
В глубине своей мятежной
Ты, дрожа, меня удержишь.

Отвергали меня миром:
«Что в нем есть — лишь тень да лира».
«Хил и бледен», — молвил тот.
А другой сказал: «Помрет».

И никто не пожалеет
И не скажет: «Что в нем тлеет?
Если кто его поймет,
Может, он и не помрет...»

И не скажут: «Вскроем сердце,
Вынем горе, чтоб всмотреться

И прочесть его сполна...»
Там пожар — не лисьмена!

Память там... И пепла слой...
Озеро, взиграй волной:
В твою глубь тоскою канул —
Разуверившийся глянул.

Р О П О Т Ы

Ну, всего вам доброго, солнце и господь.
Вы, блестя, вершите над душой восход.
Новою звездой в небесах взойду я.
Звезды — душ проклятья: смотрят, негодуя.
Ввысь они взметнулись, горестям назло,
Чтобы небу разом опалить чело..
Только копья молний бог нацелил в нас.
Для кого на свете пробил смертный час?
О, что молвлю, боже! Молнией и громом
Порази былинку — дума в ней огромна!
А не то былинка захлебнется небом
В странствии высоком, странствии нелепом.
Ты цари, владыка завязи, волны
И луча, и слога, и моей вины.
Но за что ты отнял трепет уст моих,
Розу лба и пламя взоров молодых?
День завесил тьмою, мрачной крутовертью
И сказал: «Тебе я улыбнусь пред смертью».
Впрок мне жизнь припрятал ты, господь, конечно.

Вечно жить молитве, луч и запах вечны.
Если ж мне надежды на дыханье нету
И мой дух исчезнет средь тумана где-то,
Лучше стану молнией, желтою и тонкой,
Твое имя выжгу, рык издам в потемках
И проклятем ярим в твой вопьюсь я бок.
Дай же нареку тебя «Мой заклятый бог»!..
Нет, я трепещу — немощен я, грешный.
Пенься во мне адом, жги нутро кромешным!
Я стою под черной кипарисной сенью.
Опаду вот-вот я, точно лист осенний.
Дайте же мне искру, чтобы жил я, рос.
Что — обнять могилу в завершеньи грез?
Как судьба жестока, как она черна!
Иль могильной гнилью чертана она?
Дайте мне огонь — жить хочу я, жить!
Дайте мне огонь — я хочу любить!
Звезды, в душу сыпьте, звезды, сыпьте в
кровь!

Дайте мне огонь, дайте мне любовь!
Розу на чело дарили весны.
Нету ничего — поздно, поздно, поздно!
Ночь, как черный гроб, тело принимает.
Лишь луна над бездной, бледная, рыдает.
Плачет тот, над кем плачущего нету.
Лишь луна за тем катится по свету.
Надо мною плачь, надо мною плачь!
Над моей душой меч занес палац!

Зря л ю б о в ь мне звезды начертали праздно.
Соловей л ю б и т ь меня научил напрасно.
Зря л ю б о в ь ю ветерок всколыхнул мне кровь,
Непорочная волна повела в л ю б о в ь .
И напрасно чащи замолчали вдруг.
И напрасно листья затаили дух:
Чтоб дыханьем грезу не спугнуть случайно,
Дали о любви мне помечтать печально.
Завязь, сна касаясь ранью голубой,
Сладковатым ладаном окурила боль.
Все произдевалось, жизнь сведя на нет.
СТАЛ ИЗДЕВКОЙ БОГА ДАЖЕ БОЖИЙ СВЕТИ

О Н А

**Розы образ росный
Не будь с девой слит,
С пламенем ланит,—
Кто б уважил розу?**

**Словно очи девы,
Не будь небо синим
И неугасимым,
В небо кто глядел бы?**

**Не будь в деве честь
И краса глубокая,
Истинного бога
В ком тогда прочесть?**

МОЙ ПОКОЯ

**Когда две слезинки падут
Из темносерых очей
На сумрак могилы моей,
Кости мои не взойдут.**

**Здесь тишина
И царство сна.
Здесь мир такой —
Здесь мой покой.**





W. P. W. P.

Мисак

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

1886 · 1908

Л О Д К И

Лодки легкие
двинулись вдаль,
вожделеньем полны.
Зыбкий берег мечты позади,
а навстречу им ветер.
Ожиданьем я болен.
И пламя томит.
И мы в нем не вольны.
И беременно дрожью души
и огнем
предрассветье.
Тот приплыв абрикосовый
жду я ночами до слез.
Предрассветье меня
этим бегом песчаным приветит.
Я и щедр, и ревнив,
переполненный искрами грез...
О, подводные духи!
Верните мне лодки,
что угнаны бурей рябой!
Дуновения сумерек!
Лодки верните,
что угнаны вдаль ворожкой!

С О Н А Т И Н А

В тихом времени увянет
Света ветреный цветок.
Мраком туч упившись впрок,
Море осени устанет.

Опускает сумрак дней
Серость в душу скучной ношей.
И сырая песня ночи
Моросит в душе моей.

Из печальной пустоты
Боль былая жжет и мучит.
И скулят во мне тягуче
Онемевшие мечты.

Голос ветра глух и зол.
Ночь становится безбрежной
От крутого шума волн
И озноба тьмы кромешной.

И любви осенний лад
Каплет в душу дрожью резче.
Феи призрачно глядят,
Плотью света мне мерещась.

Но страшусь: опять обманут
Грезы, что мне свет сулят.
Только тайные туманы
Бродят в радости услад.

Чей-то крик, во мне покоясь,
Превратился в голос нежный.
Это танца смерти голос —
Танца мертвой девы снежной.

Вожденна и прекрасна
Дева грезы. Тишиною,
Лаской томной, сном неясным
Дух ее передо мною.

Вижу луч и в нем пророчу
Блеск души звездой ночью
И магические очи,
Полоненные мечтою.

М Г Н О В Е Н И Я

О, возлюбленная тьма! Живой сон
медлительных ночей, где зряча лишь
страсть. И всегда-всегда неутомима
несказанная меланхолия поцелуя.

Реймон Пуэйо

Я всю ночь напролет грежу ею в пылу.
Мои губы готовы к ее поцелую.
В шуме дня же я памятью тщетно ловлю
Тот неистовый миг, когда знаю: люблю.

Но невечною памятью мне не сберечь
Эту ночь проливную, ее огнетечь,
Когда я пред видением пал, не переча,
Чтоб у ног его с клятвой растерянной лечь.

Фимиама дыханье не вспомнится днем.
А в ночи что-то сладко витает, дурманя.
В этой зыби пьянится душа моя сном.

Та отравя сочится в меня, а потом
Облекает, и длится, и мучит, и манит,
И кадит мою душу своим колдовством.

ПЕСНЬ РАССВЕТА

Монастырский звонарь зазвонил среди гор,
И сбегаются в сумерках к речке олени.
Ветерок так по-женски в забвеньи и лени
На воде уже выплясал дрожи узор.

А тропой караваны идут, и простор
Колокольцами полнится; движутся тени.
Жду рассвета, забыв о печали и тлене,
Слышу тихий среди пашен ночных разговор.

А пейзаж деревенский в глубоком ущельи,
Как ленивый орел у скалы на груди,
Что вонзил свои когти в прохладные щели.

Ароматы несут меня — мрак позади.
Под деревьями жду вдохновенно опять
Дух, что явится тихо желанья венчать.

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Ночь сладострастна, ночь моя сладка,
Напоена гашишем и бальзамом.
Иду я в опьяненьи лучезарном.
Ночь сладострастна, ночь моя сладка...

Мне море с ветром дарит поцелуй.
А свет вокруг меня цветет весенний.
О, праздник ночи, сердца Воскресенье!
Мне море с ветром дарит поцелуй.

Но свет в душе тихонько меркнуть стал,
Хотя уста еще хотят лобзанья...
Свет, лик луны и ночи ликование...
Но свет в душе тихонько меркнуть стал.

ПОД СЕНЬЮ АКАЦИИ

Живые лепестки срывает ветерок,
Напоенный благоуханьем сада.
И к душам греза подступает и услада.
А вечер перламутр и высок.

Акации, испив жары глоток,
Качаются, дыша легко и чисто,
Снежат цветами белыми душисто,
И ветер лепестки захватывает впрок.

А свет акаций мягок и глубок.
Серебряные пряди никнут странно
К волшебной плоти звонкого фонтана.

То капает вода: цветок, еще цветок.
Она, как слезка детская, прозрачна.
А музыка ее стройна и новобрачна.

Живые лепестки срывает ветерок...

Т Р Е П Е Т

Рой абрикосовых бликов
Жалит ночную вуаль.
С моря уходит печаль
В отблесках лунного лика.

Чары неверно и зыбко
Прячутся под синеву.
Душу мою наяву
Вдруг озаряет улыбка.

Трепетны, неуловимы,
Воспоминанья любви
Быстро восходят в крови,
Если проходишь ты мимо.

Чувство кристальное это,
В радужной млея тиши,
Роет во тьме, близ души,
Теплые борозды света.

П Ч Е Л Ы

Мои желания — взлетающие пчелы.
Пронзая золотистую черту
И золотистой пылью морося,
Они взлетели светлым роем
И улетели за предел долины,
И, разрывая полумрак тумана,
Вдруг устремились к солнцу целым роем,
А солнце — золотой цветок тумана.

Так изумрудны, солнечны, рубиновы,
Впитавшие в себя все краски и оттенки,
Они взлетели из глухих ущелий,
С полян и ласковых полей пшеничных.
А я, отверженный, стою на берегу.
Мечта меланхоличная моя
Протянута к далеким цветникам,
Где в этот миг расселись беззаботно
Моих желаний золотые пчелы.

Ах, на заре
Мне снова колесить дорогой страха.

Я, переполненный до онеменья чувств
Вином чернейшим ночи,
Опять обязан исходить
Крутые тропы собственной боязни.
И, заискрясь под черепом моим,
Возникнет в пламени святом надежда.

Моих желаний золотые пчелы...
Их возвращенья с нетерпеньем жду я
После полудня в неурочный час.
Только они в дороге потерялись.
Уже стемнело.
Зря я, видно, жду
Их медоносного — с одышкой — возвращенья.

Я очень утомился, ожидая
Сладчайший мед своих желаний ярких.
И в неурочный этот бред
Я счастлив буду даже получить
Одно отравленное жало
Заблудших пчел моих желаний.

ЯСНАЯ ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Окно открыто нежности твоей.
Позволь же, ночь, напиться нынче всласть мне
И молоком твоей светлейшей страсти,
И влажным волшебством твоих лучей.

Прозрачная и трепетная ночь!
Пусть волны колдовства мне в сердце бьются,
И струи белых снов мне в сердце льются
И мрак тревоги прогоняют прочь.

Пусть торжествует царство немоты.
Мне пить неутолимо дрожь нектара.
А время смертная постигнет кара,
И я паду пред храмом темноты.

И я паду, как падает слеза,—
Самим смиреньем, кротостью самою.
Пока меня заря собой омоет,
Забудут горизонт мои глаза.

О, чудо-ночь, прими меня в себя!
Прими, мистическая безмятежность!
Во мне жива молитвенная нежность —
Я поцелуй отдам тебе, любя.

Воспоминаний комната полна
О дикой страсти ветра в час проклятый.
От страха перед яростью объятий
Стенают щели стен, не зная сна.

Ворвись в мое окно, развея грусть,
Заполни келью пламенно собою,
Все щели сутью полони святою,
И я на утренней заре проснусь.

Окно открыто нежности твоей.
Позволь же, ночь, напиться нынче всласть мне
И молоком твоей светлейшей страсти,
И влажным волшебством твоих лучей.

С У М Е Р К И

Деву заката
 пурпурный красит наряд.
Но отчего я один
 с грезой печальной своею?
И отчего я теряюсь
 в объятьях ее и немею?
А над моей головою
 благоухает гранат.

О, лучезарный цветок!
 Мимо прошла ты легко.
Что-то в душе моей
 дрогнуло
песней неспетой.
Ты улыбнись,
 возвращаясь дорогою этой,
Мне —
 света жажду я так глубоко.
Мгла опускается в душу мою,
 где давно уже ночь.

И на заре ожиданий
 снова тревожат сомненья.
Лишь пригубив
 розовый запах забвенья,
Вновь обращаюсь к тебе,
 чтоб себя превозмочь.
Стану под ясной луной
 или, быть может, впотьмах
Слушать рубиновый пульс
 грезы своей напрасной.
Где же улыбка и свет,
 жизнью даримые страстной?
Как же мне сбросить тот груз,
Что у меня на плечах?
Ты приходи!
 Хватит мерзнуть в разлуке мечте.
Так я устал
 колесить в одиночку тропой незаметной.
Дождь моросит в мою душу,
 и дрожь стала смертной.
Праздно застыла рука
 в траурной пустоте.





Yanet

Даниэл Варужан

ДАНИЭЛ ВАРУЖАН

1884 · 1915

ИЗ КНИГИ «ЯЗЫЧЕСКИЕ ПЕСНИ»

ПОСЛЕ ПИРШЕСТВА

Безмолвье в зале. Гости разошлись.
Светильники сияют утомленно.
Бесшумно и тягуче каплет вниз
Густая кровь из вен их воспаленных.

Струна замолкла. В обмороке стон
Тут бродит. Тяжкий сон нетрезво дышит.
Над ртами и глазами машет он
Крылами крупными летучей мыши.

Средь хаоса стола, среди безмолвья
В кувшине грезит капелька вина.
Зубами раненный, покинутый гранат
Под свечкой — с нею — истекает кровью.

Вдруг звон в тиши — и вдребезги стакан,
Убитый наповал недавней трещиной.
Надкусан был он опьяненной женщиной —
В нее он страстью хмеля истекал.

А в вазе вянут голубые лилии.
Их духом был гусан и пьян, и сыт.
И мертвой бабочкою пышнокрылою
На стуле веер кем-то позабыт.

А из двери, в ночи открытой настезь,
Вздых мускуса еще не отсверкал.
Сообщничество хохота и страсти
Мертвеет где-то в глубине зеркал.

Служанка и уродливый слуга
Тут убирают и пируют ныне.
Опивки вин глотнув, хмельной слегка,
Исподтишка целует раб рабыню.

А С Т Х И К¹

Осталась шея мраморная целой
И гордой — ныне, средь веков разрушенных.
И лилией она взметнулась белой,
Власть обретя над Избранными Душами.

В глазах твоих — живое небо эллинов,
Вся суть его: сияние и кров.
Да, ты легла, резцом ранима гения,
Чтоб хлынула душа из мраморных зрачков,
Чтоб жизни, женственности, нежности учил он
Тебя, пенорожденную...

Еще

Солоноваты капельки пучины
На ямочках твоих оживших щек.

Но руки где, Астхик?

Они погружены

В твой океан, бунтующий вдали?..
Так хочется найти любви жемчужину,
Чтоб ею увенчать чело Земли.

¹ Астхик — богиня любви в армянской мифологии.

ИЗВЯЯНИЮ КРАСОТЫ

Я хочу ,чтобы мрамор твой белый
Из нутра Олимпа был вырыт.
Мой резец явит зрячему миру
Хмеля полное женское тело...

В глубь очей твоих падая, истину
И бессмертье находят там люди.
Лик твой чист. Совершенные груди
Соком жизни томятся таинственно.

Будь нагой, как душа у поэта.
И языческой той наготой
Нам терзаться, не смея при этом

Прикоснуться к тебе. Пред тобой
Мне зарезанным быть — быть мне жертвой.
Выжжет кровь мою мрамор твой щедрый.

ПОСЛЕ КУПАНИЯ

Из моря выйти и с тобой
Пройтись бы берегом синебоким.
И косы, полные волной,
Пусть сушатся на солнцепеке.

И к лону теплomu песка
Прильнет нога твоя нагая.
И кинется волна ласкать,
Лобзать ее... не настигая.

Хмельной от моря,
в море глаз
Твоих под солнцем окунусь я.
Вниз — волосы! И плеч коснутся,
И станут сохнуть, золотясь...

НАВАСАРД¹

Ты гений Гайка² в Навасард под жгучим солнцем
Возвеличь!

Вот лира! Встань из пепла, пой и славословь
И славокличи!

Во имя Силы, Красоты ты с факелом
Под божий кров
Вступи, святыни окропи, и станет все —
Огонь и Кровь!

Стакан гранатного вина к сосцам прекрасной Анаит³
Вздымай смелей!
Напиток пламенный, густой на сердце гибнущих творцов
Легко пролей!

Мы мрамор девственный возьмем, чтя Семя, Племя
И Любовь.
Нам — Детям Августа — ваять святой Зари
Живую Новь.

¹ **Навасард** — языческий новый год, праздновался в августе.

² **Гайк** — по преданию прародитель армян.

³ **Анаит** — богиня красоты и плодородия.

О, ТАЛИТА...

Красным светом горит и горит во тьме
Погребок твой, о Талита!
Пива мне! Пусть по пальцам твоим бежит
Пены пышная пустота.

И неважно, что я тебе князем кажусь —
Весь холеный и тонкий весь.
И неважно, что всякий простолоудин
Будет принят тобою здесь.

Ненавижу я женщин, что прячут лицо
Под назойливый липкий грим.
Будят похоть они в дряхлом теле вельмож —
Только золото любо им.

Ненавижу я женщин, что, вырастил «свет» —
Только деньги в почете у них.
Услаждают себя они страстью собак
И любовников мучат своих.

Ты неси мне пива, неси, Талита!
Сядь ко мне на колени скорей!
Пусть покажутся икры в черных чулках
Под короткою юбкой твоей.

Пусть огонь ночников до утра догорит,
Пусть поет захмелевший ашуг
И слепые зрачки устремляет на нас,
И струны замирающий звук.

Распусти золотистые косы свои,
Опусти их в хрустальный бокал
И покачивайся на коленях моих,
Чтоб желанья миг созревал.

И неважно, что губы твои матросня
Искусала — скорей забудь,
Что пролился пот вождельня густой
На твою молодую грудь.

Я хочу захмелеть на твоей груди,
Как беспечный пьяный солдат.
Выжму кружку до капли последней, а ты
Выжми душу мою, как гранат.

Я хочу в этом доме, где красный свет,
Святотатствовать, чтоб не рыдать.
И плебейке принес я душу свою,
Чтоб за кружку пива продать!

С В Е Т

«Сияешь ты во имя величия и жертвы»

Ригведа

Я к свету — к роднику — иду.
И долог путь, и кремнем он мощен
Шипами мирты весь усеян он.
Мой путь в излучинах.
С изломленным лучом
Он схож. И дрожь в коленях не унять.
С колен моих, что пригвоздили братья,
Кровь брызжет горячо.
В груди одышка, на ресницах пыль.
А сердце — мой кувшин пустой,
И с ним я к свету — к роднику — иду...

Прекрасен свет, высокий, проливной,
И праведен наклон его лучей.
Однажды я над свежеею могилой
Героя старого деревни нашей
Увидел облачко святое, что давно
Моею мамою освящено.

Был полдень. А душа ее была,
Как бабочка огромная, бела
На влажном камне под моим окном.
Потом
И с тротуара, и с поруганных дорог
Ее святое снисхождение
Вдруг потекло парным и теплым молоком.
А вечером от горизонта к горизонту,
Приняв обличье яхонтовых рек,
Ко мне спешил ее священный бег.
Потом
На мирных смуглых небесах
Прудами грез она внезапно обернулась.
В них вспыхивали островки кувшинок.
Я это видел,
И во мне проснулось
Скитальца-мученика смутное желанье
Брег солнца на земле на этой обрести.
И вот иду я к свету — к роднику...

О, Свет, рожденный богом,
Венец высоких помыслов моих,
Вино вселенской радости, что в сумерках
Хлестало лавою из ребер Иисуса,
Как всепрощение стекая вниз,
В пустые чаши безнадежности
людей,

Собравшихся вокруг стола Греха...

Свет — кровь природы,
Корона ночи, одеянье дня.
Свет — Око Агни¹.
И схож он с матерью,
Скончавшейся при родах,
Создавшей Агни с огненным зрачком.
Дух Агни каждую весной трепещет
В мельчайшей клетке,
В каждой мысли человека,
Для коего еще дымятся жертвы
На Ганге, на берегах заветных, вещей.
А я все к свету — к роднику — иду...

Свет — мрамор тех, небесных, рудников...
Искусство из него в своей бессмертной грезе
Нам снежнотелых выточит богов.
И мрачных Данте, и таких гигантов,
Каков Гомер,— ему еще рожать.
И в лоне света мудрость — это песня.
Ее поэты пьют в ночи со звезд,
Чтоб утром ею одарить людей.
Свет на заре всех наделит собою,
Оставшись неделимым, как просфира,
Что к нам на стол спускается с небес
Великим таинством явленья бога,

¹ Агни — индийский бог света и огня.

Принявшего обличье человека.
А я все к свету — к роднику — иду...

И сколько тысяч, сколько тысяч лет
Мне так шагать, минуя поколенья,
И сколько падать мне, и в кровь колени
Мне разбивать и исцеляться вновь
Дорогою, распахнутою настезь
Крушащим скалы молотом моей
Светозаветной цели?

Не знаю я...

О, братья, распинающие братья!
В пути меня оставьте одного —
Настолько одного, в таком безмолвьи,
Чтоб я услышал сердца перестук.
Ведь это песня, избранная мною
Средь многозвучья песен на земле.
В ней солнце — вечный след его и зов...
Нет, под ноги мне не стелите тень
Свою,

что схожа с коршунов крылами,
И не прельщайте вы меня пирами,
Где ваш разврат всюду звенит на бубне,
Где обещанья слиты с суетой
И только повторяют суету...

О, девы!

Сердце — мой кувшин пустой,
И с ним я к свету — к роднику — иду...





W. J. M.



Тулъ

СИАМАНТО

1878 · 1915

И жаждущий рот
Приближается к ясной воде голубого ручья...
Пшеничное поле, как море,
 пленит вас волноколыханьем хлебов.
А сад ваш вам дарит
 осеннюю щедрую сладость...
Царит тишина...
 Еще два шага — и солнце восходит, и солнце!
Кипит ваша кровь.
 Где-то ждет поцелуй поцелуя.
Где-то слезы хотят
 со слезами иными смешаться.
Где-то руки желают
 обвиться венками вокруг утомленных голов.
Где-то есть тоннир¹, и ердык², есть дерево, память,
 родник и ручей, убегаящий вдаль.
Есть души, и ласка, и весны,
 и жизнь есть, в конце-то концов.
И двери судьбы распахнутся от ветра,
 и вы, как слепые, приблизитесь к ним...
На вашем пороге есть несколько капелек крови
 и ласточкин голос на крыше.
И есть распростерты тени,
 какого-то ждущие чуда.

¹ Тонир — печь.

² Ердык — дымовое отверстие в крыше.

Что когда-то в день славы истории, в день
героизма
Зла законы порвали
во имя светлейшего утра.
И себя принесли они в жертву,
стоя пред алтарями Идеи.
И навстречу мечу супостата — ради нашей
сегодняшней жизни —
вдруг сверкнули своим мечом.
С рук народа сняв цепи рабства,
на свои перекинули руки.

Где же сила и воля наша,
наши молоты, наши удары,
Где любовь наша, совесть, размах?
Где наш гнев, полный молний?
И когда опрокинем врага мы —
разобьем, и сомнем, и растопчем?
И когда двери смерти раскроем,
чтобы вырвать героев своих,
Их чела поцелуем коснувшись?
Нашу жизнь они больше любили,
чем свою светоносную жизнь.
Пусть любовь в них умрет,
и родится проклятье святое.
Где вы, ярые Гневы, и где вы, Кулаки храбрецов,
где вы, где вы?!

М О И С Л Е З Ы

1.

И был я с чистокрылою мечтою
наедине, в родных долинах.
И был мой легок шаг,
как поступь рыжего оленя.
Я весело бежал,
хмельной от синевы и звонких дней.
В глазах моих надежда залотилась,
душа моя была полна богами...

2.

А Лето урожайное дарило
плоды свои, корзина за корзиной.
Деревья сада нашего дарили
земле и мне свою густую сладость.
И я
из гармоничной стати ивы
Взял ветку для загадочной свирели,
чтоб песни свои первые пропеть...

ЧАЯНИЯ НЕВЕСТКИ

Годами одна у окошка сижу я,
Смотрю на дорогу твою, мой далекий.
А в этом письме — тихий трепет души,
И тела, и дум; мой и больше ничей он.
Не помнишь ты солнце в день нашей разлуки?
Оно было щедрым, как слезы мои,
И было горячим, как мой поцелуй,
И добрым, родной, как твои обещанья,
И быстрым, родной, как твое возвращенье.
Молитву мою ты не помнишь, не помнишь?
Кувшин синеокой воды — ты не помнишь?—
Пролила на тень я коня твоего.
Чтоб даже моря пред тобой расступались
И суша легко под ногами цвела...
Ах, солнце разлуки давно закатилось
И черною ночью сменилось, родной...
Я плакала, сшиблена лавою лет,
И слезы катились на щеки, как звезды,
И розы сжигали, сжигали, родной...
Я жажду тебя — ну хоть волосы рви.

Еще так хмельна от вина твоего я,
И траурна — нету и нету тебя...
И памяти вслед я вздыхаю, как ветер.
И возле церковных дверей на колени
Встаю, обративши на запад глаза.
И раню колени, и тихо молю...
— Пусть высохнут сразу моря-океаны,
И хоть на мгновенье два мира сомкнутся.
А после — не нужно ни царства, ни солнца!..
К родному порогу вернись, мой далекий!
Рука моя долго пуста без твоей.
Я в черном — я жду твоего возвращенья.
Вернись! Словно плод, переспела любовь.
Хранит поцелуй для тебя она сладкий.
А чресла мои материнства не знают.
Я свадебной, золотом тканной фатой
Украсить еще колыбель не сумела,
Не пела над люлькой — не пела, не пела
Небесную песнь матерей я армянских.
Вернись! Нету сил у тоски у моей.
И черная ночь расстилает свой саван.
И совы, родной, во дворе причитают.
И горькие слезы мешаются с кровью.
Невестке покинутой не вмоготу.
Руками своими уже начинаю
На голову сыпать холодную землю —
Холодную землю могилы моей...

ГОРСТЬ ПЕПЛА ДАЙ МНЕ, ДОМ РОДНОЙ

1.

Ты был велик и пышен ,как дворец.
И я сидел на крыше у ердыка,
В себя вбирая звездотечь ночей
И слушая могучий бег Евфрата...

2.

И вдруг узнал я с превеликой болью,
Что пали стены добрые твои
В день ужаса, резни, погрома, крови...
Взошли руины над цветами сада.

3.

Покрылась пеплом комната моя,
Где на коврах мое резвилось детство,
Где жизнь тянулась вверх, душа мужала
И для полета обретала крылья...

4.

Разбилось, значит, в золоченой раме
То зеркало, в эфирной глубине
Которого годами отражались
Мечта, надежда, дума и любовь?..

5.

И умер во дворе ручей поющий?
И изрубили иву с шелковицей?
И высох тот родник между дерев
В саду моем? Скажи мне — высох, высох?..

6.

О, как я часто вспоминаю клетку —
Обитель серой куропатки. Рядом
Алели розы... Птицы звонкий клетот
Будил меня всегда в часы восхода...

7.

Родимый дом, поверь, что после смерти
Душа слетит во мрак твоих руин,
Как голубица-странница: песнь горя
Споет и слезы выплечет свои...

65

8.

Но кто мне принесет, ответь, ответь,
Горсть пепла со святого пепелища?
В день смерти, в гроб мой кто ее опустит?
Кто в прах певца вмешает дома прах?..

9.

Горсть пепла в прах мой, дом родной, вмешай!
Горсть пепла со святого пепелища!
Из памяти своей, из боли высыпь!
Развей над сердцем горестным моим!..

Я С ПЕСНЕЙ УМЕРЕТЬ ХОЧУ

1.

Со сладостью Надежды, Ожиданья
я был наедине в тот вечер.
И взвешивал весами Спасенья и Страданья
я Родины судьбу...
Но в дверь мою в полночный страшный час
вдруг сильный стук раздался.
Вошел с улыбкой друг — красив, как жизнь,
и добр, как брат, и грозен...

2.

Он молод был. А искра глаз его
была опавшей искрою звезды.
И выточен был стан его из мышц
прекрасных мраморов.
А мысль рвалась из пламенных страниц
великой справедливости людской...
А на челе цвели цветы
и доброты его, и боли.

3.

И, сидя рядом, мы, близкие друг другу, говорили
о муках Родины.
И голова его под грузом дум все больше походила
на сердце траурного полубога...
А взгляд его в моем все больше находил
предначертаний родственной судьбы...
Улыбки мягко освещали души.

4.

Он длительно молчал. И я молчал.
Воспоминанья увлажняли очи...
Свет лампы голубой, стоявшей на моем столе,
струился вниз очищенной кровью...
Я побледнел.
Исчезла греза с появленьем утра...
Но он вдруг встал с осанкою героя,
Ладонь мою в свою вобрал и так сказал:

5.

«Знай, этот вечер, друг,
был вечером прощания и веры.
Конь мой оседлан. У ворот твоих
он ржет в упругой лихорадке боя.

Ты видишь: меч мой обнажен.

В нем нагота сверхчеловеческих решений.

Приблизь свое чело к моим устам...

Час нашего прощания и веры!..

6.

А ты воспой и боль, и мощь народа

на этих чистых, трепетных страницах

В дар будущим счастливым поколениям,

в дар нашей прошлой золотой печали.

Я сир, мятежен, мне — потерянных искать...

Прощай, мой друг...

Дай песнь одну мне, песнь одну мне дай —

я с песней умереть хочу!..»

Ж А Ж Д А

1.

Душа созерцает, как меркнет закат.
Склонилась она над далекой землею страданий,
Над раной заката, над раной земли,
И чувствует: слезы в ней хлещут...

2.

И звезды разбитых жизней,
Что схожи с тьмой разоренных очей,
В песках натруженных сердца
Вдруг оживут в этот вечер...

3.

А призраки этой ночью
В согласьи с душой и глазами моими
Восход ожидают — хотят жажду жизни они утолить.
И, может быть, капелька света падет на них
сверху...





Pull

A large, expressive handwritten signature in black ink, likely the name 'Ruben Sevak'. The signature is written in a cursive style with a prominent, sweeping flourish that extends to the right and then curves back down. Below the main signature is a thick, horizontal black line that spans most of the width of the page.

РУБЕН СЕВАК
1885 - 1915

Р Е З Н Я И Б Е З У М Н Ы Й

[Сценический монолог]

Х О Х О Т

Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!
Душит мучительный смех.
С трупом отца на плечах
По полю смерти в лучах
Ночи иду. В тишине
Прошлое липнет ко мне.
Старый священник, тяжел
Труп твой печальный. Нашел
Я тебя в щели сырой —
Не был спасен ты дырой.
Кто над тобою занес
Смерть? Ты удушен, как пёс.
Выгнав меня за порог,
Ты и подумать не мог,
Что возвращусь я опять
Долг свой последний отдать.

Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!
Душит мучительный смех.
Жизнь глуповата, а тут
Умники — те, что идут
(жены и четки с собой)
К церкви воскресной толпой
Пред богородицею жечь
Бледные столбики свеч,
Петь и молиться при том
Чинным постящимся ртом,
Чтоб всю неделю потом
Радость в ином находить —
врать, воровать и блудить.
Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!
Душит мучительный смех.
Жизнь глуповата, а тут
души господ, что живут,
Зная лишь легкость и лоск.
Свой они девственный мозг
Не утруждают ничем.
Думать о смерти? Зачем?..
Здесь их дешевый софизм,
Их продувной эгоизм,
Мысли единой угар:
Был бы полнее амбар!..
Здесь бездыханная рать.
Свадеб уже не играть...

Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!
Псы прерывают мой смех.
Мрак безнадежен и густ.
Чавканье слышу и хруст,
В пастях сомкнувшихся их —
Верткое мясо живых...
Нет ни друзей, ни родных,
Лечащей нету руки...
А молодые быки
С поднятой вверх головой
Мчатся тропой полевой,
Скрывшись в далеких лесах
С пламенем в красных глазах...

БЛУЖДЕНИЕ

И всю ночь кружу я, позабыв обитель.
Глупый я, глупый.
Ум ты забрал мой — жизнь возьми, Спаситель,
боже наш глупый.
Но предсмертным взглядом смотрят отовсюду —
глупый я, глупый!
Что же, умирайте, я еще побуду
в жизни этой глупой.

Ах, потеха с числом замечательным семь!
Венценосцы, свои обживая палаты,
Эту старую мудрость забыли совсем...

.

В этот хаос смотрю, неуклюже стою.
Как назвать мне пристойней прогулку сию?
Ну зачем было тем черепа рассекать,
У кого они вечной полны пустотою
И дрожаньем? Подобною ночью густою
Эти спины по полю зачем рассыпать
И мешать рассыпаться им в низких поклонах?
И зачем изгонять из Аркадии оных?
Эти пошлые жизни кого привлекли?
Эти пошлые люди костью полегли...
Если б вы им оставили глаз — только глаз!—
О, владыки, они бы молились за вас!..
А чего вы добились, в конце-то концов?
О, владыки, зачем умертвлять мертвецов?..

Расплодили сирот, тьмою усыновленных,
И идут они по миру, телом малы,
Но читаешь легко в их глазах опаленных:
Они телом малы, а душою зрелы.
Нет у них ничего — ни родни и ни Бога,
Нет у них даже горсти родимой земли.
Есть у них только слезы, пустая дорога
И протянуты руки за коркой. Нашли

Они зверя, святое ища в человеке
И озябшей душой разуверясь навеки...

Осторожно! Они никому не простят.
Они встанут однажды на сгнивших костях!
Утверждая мечом свой закон непреклонный,
Свою Волю объявят на Красном Суде.
Как узнать в них сирот, тьмою усыновленных?
Как узнать в них бедняг, погибавших в нужде?..

Этот день непременно придет, и тогда
О, беда вам, беда вам, беда!..

ТЕ, ЧТО ИДУТ

«Вот мы идем!— Они кричат.— Ваш крах
Уж близок. Топот сотрясает воздух.
И дышащая тьма у нас в глазах,
И запах крови раздувает ноздри!»

«Вот мы идем!— Кричат.— И колесо
Страданий наших мы вперед толкаем.
И дрожь стоит от наших голосов.
Мы по живым идем и повторяем:

«Вот мы идем!» Дороги не закрыть
Пред яростью могучей нашей силы.

Идем, чтобы заставить говорить
Бесчисленные общие могилы.
Вот мы идем, подобные стреле,
Во тьму вонзенной в яростном протесте.
И в страхе мы, и страх несем земле
Мы — распаленные посланцы мести.

Мы — шпага и закон. Своих твердынь
Мы не оставим в лапах пораженья.
Мы — новые паломники святынь
И сумерек светлейшее рожденье.

Вы соскоблили с наших юных кож
Для свадеб и грехов себе палаты.
Вы продавали нашей крови дрожь
За плату, что потребует расплаты.

Захлопните сердца. Сейчас для них
Продолжится кровавейшая повесть.
Точите меч о зубы чад своих,
О собственную каменную совесть.

Вот мы идем, и рушится судьба
От этого кошмарного парада.
Мы — трупы, мы — пустые черепа,
Но мы идем, и что для нас преграда?

Так зловонен, гнил.
Он унизил сон
 вековых светил.
Так огромен он,
 так велик твой труп,
Многолик твой труп
 и безлик твой труп.

ПЕСНЯ В НОЧИ

— Умерли розы,
Умерли розы.
Умерли каждым
Своим лепестком.
Умерли розы,
Умерли розы,
Я по умершим
Иду босиком.

Высохли росы,
Высохли росы.
Сколько печали
В розах родных...
Умерли розы,
Умерли розы,
Как же на свете
Жить мне без них?

Видишь, мой боже,
С темною мукой,
С темною мукой
Розу зову.
Где моя роза,
Где моя роза?
Как я разлуку
Переживу?

Кличу с любовью
Смерть к изголовью.
Пусть моя роза
ляжет на грудь.
Тихо отправлюсь,
Мирно отправлюсь
С розой умершей
В грустный наш путь.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Кто эта девушка, одетая тоскою?
Куда безумной поступью такою
Она спешит, не ведая пути?
Вокруг тела, и стоны впереди.
Кто этот полумертвый, на котором
Она застыла онемевшим взором?
Крик. Он подняться пробует. И страстью
Одерживает верх над темной властью
Небытия... Объятия. Рот в крови
К устам ее прирос в пылу любви.
И поцелуй зацвел сквозь смерть и страх
Соленой розой на ее устах.
Есть чертов круг, и нет страшнее круга:
Любовь и смерть в объятиях друг друга!
Пальнул я. Черепа вобрали пули.
Я крикнул тем, что навсегда уснули:
 «Эй, друзья,
 Ответит пусть
 Мне из вас
 Хоть кто-нибудь —
 Где он,
 В рай кратчайший путь?»
 — Вот он, этот путь!

ЗАВЕТ РОДА

И, удивленный сном их беспробудным,
На головы их робко положил
Я голову свою. Глаза смежил
И сном забылся, медленным и трудным.

Но великан вдруг подошел ко мне,
Потряс плечо мое рукой суровой:
— Что, сумасшедший, видишь ты во сне?
Поведать сон свой мне теперь попробуй.

«Я вижу сто старинных городов,
Сто башен древних там, за желтой далью.
И сто колоколов с глухой печалью
Висят, не зная певческих трудов.

Я вижу горы в пепле и песок
Пустыни дальней — мертвенный и бледный.
Я вижу крепости — стоят над бездной,
Пред временем закрыты на замок.

Надгробья наши вечным сном залиты.
А надписи на них: «Здесь погребен...»,
Истоптанные тысячью племен,
Который век не покидают плиты.

Но, как по знаку, медленным зевком
Колокола свой сон прогнали грешный.
Все сто колоколов во тьме кромешной
Вдруг шевельнули пыльным языком.

Приподнялись надгробья молчаливо
Себя усильем темным напрягли,
И сто князей легко и горделиво
На белый свет явились из земли.

И шествует Завет земли моей,
И нет ему ни смерти, ни изгнанья,
И нет ему преград. На расстояньи
Он отпер все ворота крепостей.

И семь веков идут князья — ни страх,
Ни слабость не царят над шагом стройным.
И цепи, как ручьи, на их ногах.
Щиты их ржавы, а глаза спокойны.

Летит по ветру одеяний бязь...
На том, кто впереди, в роскошном блеске
То ль знаменитый пурпур королевский,
То ль рода кровь... Не разгляжу я, князь...

И руки обагранные свои
Я протянул к ним с душною мольбою:

**«Возьмите и меня, князя, с собою —
Служить Завету с верою в крови!»**

**Но вот рассвет взмахнул своим крылом,
И сто князей в могилы вновь спустились.
И с ними вновь земля моя простилась.
И мир не вспоминает о былом...»**

**Все сгнуло. И мне не до речей.
И нужно в щели в этот час сиянья
Скрыть, как сова, свое существованье
От справедливых солнечных лучей.**

БЫЛО ЗА ПОЛНОЧЬ...

Было за полночь, и дождик лил в безмолвии сыром.
Ты печальная стояла под унылым фонарем.
А вода бежала стыло по булыжной мостовой.
Но стояла, поджидала ты удел зазорный свой.

А во взоре — плач улыбки, плач во взоре неживом.
Краска на губах порочных — боли жалкий оком.
Груди полные томятся не утехой, а тоской.
В них дождливой этой ночью страсти нету никакой.

Нет ни выбора, ни чувства—просто дрожи не унять.
И в обмен на хлеб насущный — цель нехитрая твоя —
Благосклонному Мужчине тело мокрое отдать.

Состраданье ощутил я — вроде некого тепла.
И тебе принадлежал бы этой бедной ночью я,
Если бы слеза шальная щеку холодом не жгла...

Было за полночь, и дождик лил в безмолвии сыром...





Human

Ваган Тэкеян

ВАГАН ТЭКЕЯН

1878 · 1945

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Тридцать мысов лежат предо мною.
Мой корабль, паруса напрягая,
К ним спешит. А под ловкой волною
Пасть акулы зияет, пугая.

Старый парус в нелепых заплатах.
Руль кривой — повернуть его трудно.
Ради мысов зеленых, покатых,
Подновил я усталое судно.

Нас не тронули бури лихие —
Зыбь незримое делала дело
И проворнее грозной стихии
Разрушала мне душу и тело.

Я порою надежды лишался —
Несмотря на небесную ясность —
Тридцать мысов достичь... И решался
Мне предсказывать некто опасность.

Огибал я коварные рифы,
Но пришлось мне изведать и горе:
Растащили желания грифы,
Вера канула в темное море.

За любовью любовь умирала
На руках моих, медленно тая.
Грез попадало за борт немало —
Я над ними молитву читаю.

Лишь надежду растил я прилежно —
Я вскормил ее сердцем певучим.
И росла, и мужала надежда,
Разгоняя внезапные тучи.

С нею сам я царил над собою.
Только билась она безуспешно
С изнурительной странной судьбою...
Злые души сгубили надежду.

Она маялась в тягостной муке.
Уложил ее с горькой любовью
И сложил я бессильные руки,
И стою у ее изголовья.

Тридцать мысов лежат предо мною.
Беспокойна стихия живая.
И акулы плывут под волною,
Труп надежды моей ожидая.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все в прошлом: город, краски сада
И часа ласка золотая.
И то, как ты прошла куда-то
Благословенно молодая.

Ты шла нарядна и надменна.
И не ступала — уплывала!
Как будто небо вдохновенно
Тебя для глаз наколдовало.

Иду с лицом отяжелевшим
Туда, где жил твой шаг и шепот.
Душа моя меня торопит!

Иду к шагам твоим ушедшим.
Где ты когда-то проходила,
Погребены навек светила...

МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ЖИЛ ДАВНО

Мне кажется, я жил давно в Элладе,
Имел Сократа разум и обличье.
И тайну бога самого постичь я
Умел, разгадки сокровенной ради.

Вот лучшие ученики под сенью
Акрополя мне преданно внимают,
Вникают в речь мою и увлекают
Меня навстречу саду и цветенью.

Владею речью мудрою и краткой.
Душа моя в их взорах отразится!
Лиричны эти трепетные лица,
Как островки, омытые загадкой.

О, мудрость! Ты прекрасной и нетленной
Являешься в холмах мне сиротливых,
Ты в небе нежном, в юношах пытливых.
Они же — обновление вселенной!

Неважно, что камнями и хулою
Толпа меня встречает. Обреченный,
Испить я должен чашу смерти черной...
Ученики отторгнуты толпою.

О, мудрость! Преклоняю седину я
Перед твоей всезнающей улыбкой.
Она на горных склонах, в дымке зыбкой
И на земле живет, меня волнуя...

Б А Ш Н Я

Чтоб душу защитить от злых ветров,
Чтоб волны лет ее не источили,
Пока был в силе я, пока был в силе
Построил башню — гордый, прочный кров

Над морем, под жестоким небом... В этом
Укрытии живет моя душа.
Не спит мой разум, душу сторожа,
И дверь закрыта перед белым светом.

Пусть волнами стучится белый свет.
Но с моря путника давно не жду я —
Ни для кого здесь места больше нет...

А если буря, с башнею враждуя,
Хлестнет волной и кинет мне предмет,
Обломок прошлого в нем разгляжу я...

М А Ч Т Ы

Всё мачты, мачты, мачты на домах —
Дома плывут без паруса куда-то.
То рябь, а то девятый вал и крах.
А тонкий шест — награда и расплата.

Свой курс у дома, выбор свой и след.
И пассажиры, кажется, в порядке:
Сидят — меланхоличен в окнах свет —
Средь рева волн, средь их гремучей схватки.

Я вверх смотрю на эту суету,
Шестов прогнувшуюся пестроту —
Их волны тупости и крови моют.

И к мачтам мудрости приник мой взор:
Людское око проколов в упор,
Пускай для высшего его раскроют.



Зима и злая стынь кругом.
И жизнь в ладу с календарем:
Короткий день и долгий холод.

Дороги голые. И голод.
Следов весны мы не найдем
При всем усердии своем.

Но, вопреки календарю,
Вчера была весна и лето..
Душа и тело помнят это...

А, впрочем, что я говорю!
Густые сумерки. Зима.
И на пороге — только тьма.

ПАМЯТЬ

Душа зовет своих усопших в эту ночь.
Возьми лопату, Память, вскрой могилы.
Не отвращу лица, не ринусь прочь —
Узреть ужасное найдутся силы.
Нет больше светлых душ, нет больше ясных тел,
Родных душе моей, любимых телом.
За них дыханье я б отдать хотел
И поменяться с мертвыми уделом.

Я встречу их сейчас, к груди своей прижму.
О, Память, не кори меня, не сетуй —
Дозволь мне неподвластное уму...

Глупец! Всплакнешь в их честь сегодня ты,
А я отдамся мукам жизни этой
И предпочту их страху пустоты.

Е Г И П Т Я Н К А

Смуглый ангел,
я ради красоты твоей без сожаленья
Белых ангелов гордо покинул,
стремясь к тебе жадно.
Перед аспидным светом твоим
я стою в изумленье,
Словно путник,
в ночи разглядевший окрестность неожиданно.
Мне так сладостен зной
твоих взоров и гибкого стана.
Голос твой не утратит
надо мной замечательной власти.
Запах кожи твоей
я готов обонять неустанно
И погибнуть готов
под песками зыбучими страсти.
Как тростинку от берега,
оторву от земли я, лелея,

Х А Н У М

В черно-матовом шелке, так волнующем ум...
И шуршание шелка слышно в поступи вешней.
Лира бедер звучит тихой музыкой нежной.
Следом — мускуса шлейф. Так проходит ханум.

И браслеты смеются на тонкой руке.
А в другой так надменно чернеет перчатка.
Под чадрую чело, под чадрую загадка.
А глаза под сурьюю — огонь в тайнике.

Под мостом пламенеет в закате залив.
Величаво проходит ханум над водою,
И залив, и сам город собой озарив...

Кто ты — женщина, дух под прозрачной чадрую?
Дух Полиса, ты вышла на миг из дворца
С неразгаданной страстью души и лица...

ДЕКАБРЬ

Снег все лепит, и кругом белым-бело.
И домишки в серебристых переливах.
И понурилось в раздумьях сиротливых
Среди стужи одинокое село.

Глинобитные лачуги все подряд
Стали мраморными — выступы пологи.
И разглажены ухабы на дороге.
И овчарки ослепленные скулят.

Утро сумерками серыми глядит...
Обнажился вдруг просвет, как рана, в тучах —
Робкий проблеск туча дальняя таит.

Снег не сыплет больше. Светит слабый лучик
В непорочность беспредельной белизны,
В замороженно-узорчатые сны.

Чул! Опять метет с небесной вышины...

УЛЫБЧИВЫЕ ОЧИ

На миг или короче —
А счастье вечно кратко —
Улыбчивые очи,
Зеленая загадка,
Мне в душу заглянули.
И что пообещали —
Любовь или загулы
Большой моей печали?

И золотую дверцу
Они открыли в сердце?
Иль смерть они пророчат?

Но сердце ноет сладко...
Улыбчивые очи,
Зеленая загадка...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТРОС ДУРЯН	6—16
МИСАК МЕЦАРЕНЦ	18—34
ДАНИЭЛ ВАРУЖАН	36—50
СИАМАНТО	52—70
РУБЕН СЕВАК	72—92
ВАГАН ТЕКЕЯН	94—110

ИЗ ЗАПАДНОАРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Редактор **Саакян М. В.**

Худ. редактор **Арутюнян В. А.**

Макет и тех. редактирование **Матиняна А. А.**

Контр. корректор **Меликян Ю. Р.**

ИБ № 64.

Сдано в набор. 25/II 1978 г.

Подписано к печати 29/VI 1978 г.

Бумага офсетная 70×80¹/₁₆ 7,28 усл. печ. л. Уч.-изд. 4,2 л

Заказ 847. ВФ 01371. Тираж 25000 Цена 90 к.

Издательство «Советакан грох», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегапарта Госкомитета Совета Министров Армянской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ереван-9, ул. Теряна, 91.

